

М. БРОДСКИЙ
гл. библиотекарь РГБ

Образ Иисуса Христа в поэме А. Блока (1880 – 1921) "Двенадцать"

В предлагаемом материале изложен опыт проведения одного из занятий дискуссионного клуба старшеклассников при Российской государственной детской библиотеке¹ - обсуждения поэмы Александра Блока "Двенадцать". Это был не развернутый анализ произведения, (его художественные достоинства в этот раз не рассматривались), а лишь обсуждение одного, но **главного, определяющего ее идейное содержание** вопроса: **что именно олицетворяет собой появляющийся в конце поэмы "Двенадцать" Иисус Христос?**

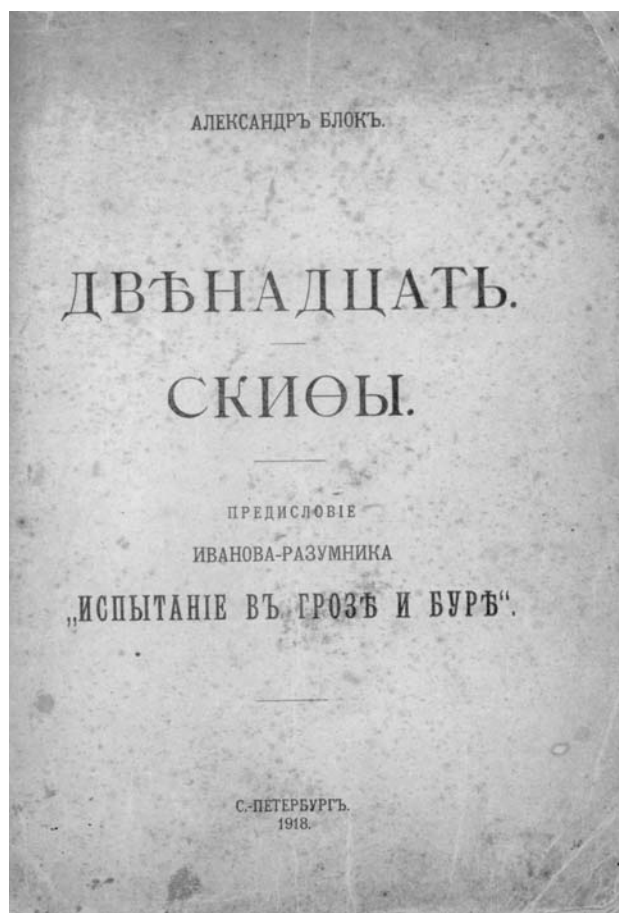
При подготовке к разговору ребята, кроме чтения самой поэмы, познакомились с рядом высказываний известных современников А. Блока, которые изложены, например, в книге О. Л. Смолы "Черный вечер, белый снег..." (М., 1993) и в статье Е. Ивановой "Загадочный финал «Двенадцати»" (Москва, 1991. № 8. С. 191 -196), а также с высказываниями уже наших современников на новом витке отечественной истории, собранными в материале "Финал «Двенадцати» – взгляд из 2000 года. Конференц-зал". (Знамя, 2000. № 11. С. 190-206) и др.² Вот некоторые из этих высказываний современников поэта.

Сергий Булгаков: "Двенадцать", вещь пронзительная, кажется, единственно значительная из всего, что появлялось в области поэзии за революцию. Так вот, если оно о большевиках, то великолепно; а если о большевизме, то жутко до последней степени. Ведь там эти 12 большевиков, растерзанные и голые душевно, в крови, "без креста", в другие двенадцать превращаются. Знаете, кто их ведет?... — Иисус Христос... Поэт здесь не солгал... он кого-то видел, только, конечно, не Того, Кого он назвал, но обезьяну, самозванца, который во всем старается походить на оригинал и отличается какой-нибудь **одной** буквой в имени... И заметьте, что это явление "снежного **Иисуса**" не радует, а пугает".

Павел Флоренский: "Поэма "Двенадцать" — предел и завершение блоковского демонизма...

¹ см. также Бродский М.А. Трудные места в романе М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита // "Школьная библиотека, 2001, N 1, С 44-52 и др.

² Другую литературу, использованную при подготовке к обсуждению, см. в конце статьи.

Характер прелестного видения, пародийность лика, являющегося в конце поэмы "Иисуса" (отметим **разрушение спасительного имени**), предельно убедительно доказывают состояние страха, тоски и беспричинной тревоги "удостоившихся такого видения".

Максим Горький: "Достоевский... убедительно доказал, что Христу нет места на земле. Блок сделал ошибку полуверующего лирика, поставив Христа во главе "Двенадцати"".

Павел Коган: "Поэма "Двенадцать", несомненно, гимн революции, но революции первого периода... Его Христос "в белом венчике из роз", этот единственный образ, который был в распоряжении поэта-романтика... воплощает идеалы революции... и в данном случае фигуру Христа

он выдвинул как **мировой символ той любви, которая “полагает душу за други своя”**... Ни Каин, ни Иуда, ни антихрист, а Христос идет”.

Максимилиан Волошин: “Двенадцать блоковских красногвардейцев изображены без всяких прикрас и идеализации... никаких данных, кроме числа 12, на то, чтобы счесть их апостолами, — в поэме нет. И потом, что же это за апостолы, которые выходят охотиться на своего Христа?.. Блок, поэт бессознательный и притом поэт всем своим существом, в котором, как в раковине, звучат шумы океанов, и он часто сам не знает, кто и что говорит через него”.

Е. Ростин: “Чувствует поэт, что эта разбойная Россия близка к Христу... Ибо Христос пришел, прежде всего, к блудницам и разбойникам и их называл первыми в своем царстве. И оттого станет Христос во главе их, возьмет их кровавый флаг и поведет их куда-то по своим путям неисповедимым”.

Ю. Никольский: “Двенадцать красноармейцев, блудящие без креста среди петербургской метели, это ведь не коммунисты, это русские люди, в безумье своем провозгласившие в 1917 году над собой царство Ленина... Это, может быть, и мы, потому что виноваты все: Блок чувствовал недаром историю как возмездие... И тот с нежной поступью Христос, который обходил у Тютчева бедные селенья России, он у Блока поднялся над вьюгами в белом венчике из роз, символ кристально белой России. Многие говорят: почему он с красным флагом? И обманываются, подобно красноармейцам. Флаг не красный, а кровавый, намокший в человеческой крови, флаг страдания: ведь красноармейцы сами видят “провокацию” и стреляют в Христа!”

Михаил Пришвин: “Наконец я понял, почему в “12-ти” впереди идет Христос, — это он, только Блок, имел право так сказать: это он сам, Блок, принимал на себя весь грех дела и тем, сливаясь с Христом, мог послать Его впереди убийц: это есть Голгофа — стать впереди и принять их грех на себя. Только верно ли, что это Христос, а не сам Блок, в вихре чувств закруженный, взлетевший до Бога”.

Борис Эйхенбаум: “Я вижу, что Блок распинает себя на кресте революции, и могу взирать на это только с ужасом благоговения”

А вот высказывание уже нашего современника С.С. Аверинцева: “...за **старообрядческой формой “Исус”** — явственное **противопоставление** скитского “сжигающего Христа” народных ересей церковному “Иисусу”... И все же Блок... вглядывается в то, что ему “привиделось”... Он не лжеучитель, потому что вовсе не учит. Должен сознаться в наивности, если это наивность... Тот, кто понимает, что поэт — ... не пророк в библейском смысле, но и не лжепророк, а скорее тот, кто силой своего искусства объективирует “привидевшееся”... — едва ли рискует впасть в соблазн”. И др.

Обсуждение поэмы строилось следующим образом: ведущий формулировал возможные толкования, которые участники затем анализировали, принимая их или отвергая.

ВЕДУЩИЙ: Начнем с вопроса почти риторического: можно ли представить себе поэму «Двенадцать» без Иисуса Христа?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Разумеется, нет. Образ Христа — идейный стержень, символ, «который, — по словам О.П. Смоля, — не просто увенчал, закруглил поэму, но придал всем ее слагаемым новое освещение. Благодаря ему «Двенадцать» обрела иное философско-этическое измерение»³.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Конечно, Иисус появляется не случайно. Без Него поэма воспринималась бы как документ эпохи (что тоже немало), но она вряд ли получила бы такой огромный резонанс по всей России. Причем самые противоречивые суждения, самые острые дискуссии вызывал у читателей-современников именно образ Христа. Что было вполне объяснимо, так как в нем содержалась оценка событий, происходивших у всех на глазах, событий непонятных, но несомненно исторических. К тому же нравственный авторитет А. Блока был очень велик, к его мнению прислушивались и враги и друзья нарождающейся власти, и, читая поэму «Двенадцать», уточняя неясную ее концовку, споря с автором, они уточняли и свое отношение к революции, большевикам, большевизму.

ВЕДУЩИЙ: Да, и отсюда следует, что анализ образа Иисуса Христа, как и поэмы в целом, невозможен вне исторического контекста, то есть без учета того, как автор и его первые читатели могли тогда, в начале 1918 года, относиться к новой (советской) власти в сравнительно небольшой период времени, когда Учредительное собрание было уже разогнано, но еще мало кто догадывался, в каком направлении и как будут развиваться события, и к чему в итоге они приведут.

Образ Христа, как мы помним, возникает в самых последних, завершающих строках поэмы

...Так идут державным шагом -
Позади — голодный пес,
Впереди - с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз —
Впереди — Иисус Христос

Так заканчивается поэма, это ее последние слова, которые, как известно, запоминаются лучше всего. Что же они могут означать? Какой смысл вложил в них автор? Тут вряд ли есть

³ Смола О.П. «Черный вечер, белый снег...», С.86

один исчерпывающий ответ. Рассмотрим варианты. Например, такой. Известно, что на рубеже 19-20 веков многие интеллектуалы, и А. Блок в их числе, сочувствовали простому народу, в массе своей бесправному и необразованному, ощущали свою вину перед ним за свою богатую, по крайней мере, духовно, жизнь, верили в его созидательную, но пока не востребованную силу. **Почему бы нам не предположить, что Иисус, идущий «с кровавым флагом», не олицетворяет собой искупительную жертву русской интеллигенции за свое сытое и спокойное дореволюционное существование во время страданий народных, некий знак Апокалипсиса, Второго пришествия Христа?**

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Вполне возможно. Известно ведь, что А. Блоку было присуще и «ощущение жертвенности как оплаты родового долга народу, истории»⁴, и чувство «истории как возмездия»⁵, он считал, что «привилегированный класс должен ожидать мести безжалостной и жестокой, как того заслужил»⁶. Да и в самой поэме мы читаем:

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
В оба!

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Такая трактовка, может, и логична, но вряд ли соответствует авторскому замыслу. Христос — слишком «женственный призрак» (выражение самого А. Блока), чтобы мы ассоциировали его с грозными апокалиптическими образами Священного Писания (Сравним: «Он был облечен в одежду, обгавленную кровию... Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным...» и т.д. — Откр.19,13-15). А в поэме Иисус идет, как мы помним, «нежной поступью надвьюжной / Снежной россыпью жемчужной...».

ВЕДУЩИЙ: Более того, по этой же причине вряд ли можно трактовать блоковского Христа и как Спасителя от безбожников, как знак, символ грядущего, неминуемого Высшего Суда над теми, кто легко, «без креста», «без имени святого» совершает насилия и убийства. Об этом наверняка тогда думали многие, но думал ли так А. Блок? Наверное, все-таки его Христос символизирует в поэме нечто более высокое и вечное.

Может быть, правомерней как раз противоположная трактовка: **Иисус — Мессия, основатель нового учения, провозглашавшего равенство всех людей перед Богом. И, стало**

быть, шествие Спасителя впереди (во главе?) двенадцати (число апостолов!) красногвардейцев означает, что Он вместе со своими последователями идет воплощать, так сказать, в жизнь Свое учение.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Такое толкование исторически вполне обоснованно. Известно ведь, что идеи равенства, в том числе и имущественного, легко вычитываются из Священного Писания. Говорил же Христос богатому и праведному юноше: «Еще одного не достаает тебе: все, что имеешь, продай, и раздай нищим, и будешь иметь сокровища на небесах, и приходи, следуй за Мною. Он же, услышав сие, опечалился; потому что был очень богат»(Лк. 18,22-23).

А в Деяниях апостолов об одной из первых христианских общин в Иерусалиме, почитавшейся за образец, говорится так: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее...» Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями и домами, продавая их, приносили цену проданного. И полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»(Деян.4,32-35). И далее описывается страшная смерть супругов Анании и Сапфиры, утаивших часть своего имущества при вступлении в общину. Так что основания называть Иисуса Христа «первым коммунистом» имелись и тогда и теперь.

ВЕДУЩИЙ: Это справедливо, но лишь отчасти. Дело в том, что отрицание имущественного неравенства не было для Христа *практической* задачей, которую следовало бы решать сообща всем людям, тем более, насильственным путем. Оно было условием духовного совершенствования человека, его личным нравственно-религиозным выбором. «Никто не может служить двум господам, — говорил Иисус, — ибо... одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне»(т.е. богатству-Мф.6,24).

Тем не менее, события русской революции многими тогда воспринимались именно как осуществление подлинно христианских идей. «И грудью всей дышал Социализм Христа», — писал в том же 1918 году, правда, о февральской революции, Борис Пастернак⁷. Но, что интересно, и большевистские идеи воспринимались на первых порах так же. «Иисус — вершина человечества, осуществляющего в себе величайшую из всех человеческих истин — истину о равенстве всех людей... Вы продолжатели дела Иисуса»⁸, — обращался к новой власти академик И.П. Павлов, упрекая ее в склонности к догматизму и излишней жестокости, но еще надеясь быть услышанным.

⁴ Горелов А.Е. Гроза над соловьиным садом, С. 473

⁵ Ю.Никольский. Цит. по: Иванова Е. Загадочный финал «Двенадцати».С.194

⁶ Енишерлов В.П. Александр Блок. Штрихи судьбы. С. 288-289

⁷ Пастернак Б.Л. Русская революция. Собр. соч. В 5-ти т.Т.1.М.: Худож.лит., 1989.С.620

⁸ Цит. по Сов. культура. 1989.14 янв.С.19

Более того, православные традиции в России были настолько сильны, что и среди большевиков находилось немало таких, кто воспринимал христианское учение как руководство к действию, как «религию пролетарской ненависти», ибо «пролетариат, сын отчаяния, полон гнева и огня мщения. «И этот гнев выше всякой небесной любви, ибо только он родит царство Христа на Земле»⁹. (Трудно догадаться, но эти горячие строки принадлежат замечательному русскому писателю Андрею Платонову. Правда, написаны они в 1920 году и, кто знает, если б их не было, вернее, если б писатель тогда думал иначе, не было бы, наверное, ни «Котлована», ни «Сокровенного человека», ни многого другого).
Но разделял ли такие решительные взгляды автор «Двенадцати»?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Конечно, нет. А. Блок не был безбожником, но, как и многие русские интеллигенты того времени отделял Христа от духовенства, слишком связанного с уходящей в прошлое властью.

Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ

Здесь довольно точный знак времени, отраживший отношение большей части общества, но не к христианству, а к церкви как государственному институту самодержавия. По воспоминаниям тогдашнего товарища (заместителя) обер-прокурора Святейшего Синода Н.Д. Живахова «авторитет духовенства в России был невысок, но вызывалось это явление не безверием, а...повышенными религиозными требованиями, не находившими удовлетворения со стороны русского духовенства в массе»¹⁰. К тому же, «мало тронутое культурой»,¹¹ оно относилось к интеллигенции «не только отрицательно, но часто даже враждебно»¹².

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Тут вопрос в другом. Можно предположить, что «Христос с красногвардейцами» (слова А. Блока¹³). Но разве они с Ним? Разве «грабежи» совершаются в поэме именем Сына человеческого? Во всяком случае, двенадцать обходятся «без имени святого» и даже, что символично, не узнают идущего «за вьюгой» Спасителя, хотя успевают разглядеть у него в руках красный (свой!) флаг.

⁹ Платонов А.П. Христос и мы // Лит. газета. 1989. 39 авг. С. 6

¹⁰ Религиозное положение в России конца XIX — начала XX в.в. Воспоминания тов. обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахова. — «Русская мысль», N 4085, Приложение.

¹¹ там же

¹² там же

¹³ Блок А.А. Собр. соч. М.; Л.; 1963. Т. 7. С. 329-330

— Кто там машет красным флагом?
— Приглядишься-ка, эка тьма!
— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?
— Все равно тебя добуду.
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

ВЕДУЩИЙ: А, может быть, двенадцать красногвардейцев осуществляют идеи Христа о всеобщем равенстве, сами не сознавая этого? Скажем, по причине своего отношения к «товарищу попу»?

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Может быть. Однако полностью принять такое суждение было бы, наверное, не совсем правильно. Известно, что А. Блок не разделял толстовского понимания христианского учения как «непротивление злу насилием», но его-то Христос идет впереди людей, не противостоящих, а умножающих зло, *творящих* насилие. А, может, они исповедуют уже какую-то другую веру? Не исключено, что поэт задумывался на этот счет, и потому, размышляя о своем Христе, в те же самые февральские дни 1918 года записал: «...Он идет с ними, а надо, чтобы шел Другой»¹⁴.

ВЕДУЩИЙ: Другое толкование. **Возможно, что Иисус Христос воспринимался автором как нравственный эталон человеческого бытия, имя которому — Любовь. Ею измеряется вся человеческая история, включая происходящее у нас на глазах. И появление Христа среди двенадцати означает лишь то, что Сын человеческий не бросает детей Своих, пускай не ведающих, что творят, не соблюдающих Его заповеди, но искренних в своих помыслах и поступках.**

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Такая трактовка, наверное, возможна, но вряд ли исчерпывает все содержание образа Христа в поэме.

ВЕДУЩИЙ: Еще одно толкование: **В контрасте с окружающим кровавым хаосом Иисус, шествующий «нежной поступью надвьюжной», олицетворяет Высшую Духовность, культурные ценности, не востребованные (пока?), но «надвьюжные», то есть неисчезающие и неуничтожаемые ни при каких обстоятельствах.**

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Вполне возможно. «Те из нас, — писал тогда же А. Блок в статье «Интеллигенция и революция», — кто уцелеет, кого не «изомнет с налету вихорь шумный», окажутся властителями неисчерпаемых духовных сокровищ». Поэтому, наверное, его красногвардейцы так коречат родной язык. «Етажи...грабежи», «головку вскидывает» и т.п. — это язык революции, «низовой» язык, который мы слышим и в произведениях М.М. Зощенко, И.Э.

¹⁴ Блок А.А. Собр. соч. М.; Л.; 1963. Т. 7. С. 326

Бабеля, А.П. Платонова, Б.А. Лавренева, М.А. Шолохова и многих других. Но это в настоящем. А впереди Иисус Христос «снежной россыпью жемчужной...» — совсем другой образный ряд.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Такая трактовка правомерна, но все же, как и предыдущая, не выглядит исчерпывающей, единственно приемлемой.

ВЕДУЩИЙ: **А, может быть, появление Иисуса Христа означает Высший смысл происходящего, который несомненно есть, но, что называется, «в упор» не всегда различим?**

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Пожалуй, это наиболее вероятное предположение. Смотрите, как четко определены во времени описываемые события: двенадцать «идут» (т.е. сейчас, в настоящее время), «позади — голодный пес» (в прошлом), «впереди (в будущем — авт.) — Иисус Христос». Старый мир, по всему видно, симпатий не вызывает, во всяком случае ясно, что он уходит и, скорее всего, безвозвратно, а народная вольница, как ей и положено, бессмысленна и жестока. Но есть сила (и мы ее видим!), способная и желающая противостоять хаосу. Пусть эта сила неразвита духовно, но она идет «державным шагом», и это пробуждает надежду, что очистительная вьюга скоро уляжется, и все люди спокойно заживут в новом справедливом мире.

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Да, это так. Причем разницу между прошлым и настоящим А. Блок дает нам почувствовать чисто художественными средствами, «актуализируя» известную тогда, наверное, всем «Песню узника», написанную декабристом Ф.Н. Глинкой в Петропавловской крепости и ставшую потом народной:

Не слышно шума городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна...
А бедный юноша! ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам...

А в поэме строки песни, напомним, звучат так:

Не слышно шуму городского
Над невской башней тишина,
И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

ВАРИАНТ ОТВЕТА: Но, если Христос появляется в поэме как символ Абсолютной Истины и Высшей Справедливости, который к тому же не всем дано разглядеть, получается, что автор оправдывает настоящее будущим, успокаивает своих читателей, подождите, мол, очиститель-

ная вьюга с неизбежным насилием и кровью скоро уляжется, и тогда все люди спокойно заживут в новом справедливом мире. За одно только это многие должны были считать его предателем.

ВЕДУЩИЙ: Так оно и было. Только, согласимся, ошибка — не обман, и заблуждение — не предательство. Это разные вещи. Поэт ошибся в своих ожиданиях, но, что для нас немаловажно, успел это понять, о чем говорят горькие строки из стихотворения, написанного незадолго до смерти:

Но не эти дни мы звали,
А грядущие века...

Но так Александр Блок думал уже после, в 1921 году. А тогда, в начале 1918 года, он создавал поэму, которая стала не только выдающимся произведением мировой литературы, но еще и памятником своего времени, отразившим настроения очень многих людей в очень непродолжительный период русской истории. Поэтому и образ Христа получился у А. Блока таким, каким только и мог быть: неясным и многозначительным, как само время.

ЛИТЕРАТУРА

Смола О.П. «Черный вечер, белый снег...»: Творческая история и судьба поэмы Александра Блока «Двенадцать». М.: «Наследие», 1993

Горелов А.Е. Гроза над соловьиным садом. Александр Блок. Л.: Сов писатель, 1973

Енишерлов В.П. Александр Блок. Штрихи судьбы. М.: Современник, 1980. (Биб-ка «Любителям российской словесности»)

БИБЛИЯ — любое издание

Финал «Двенадцати» — взгляд из 2000 года. Конференц-зал. // Знамя, 2000. № 11. С. 190-206

Иванова Евг. Загадочный финал «Двенадцати» // Москва. 1991, № 8, С. 191-196

Иванова Евг. Об эволюции Блока после Октября в поэме «Двенадцать» // Литература в школе. 1993. № 3, С. 23-28 и др.

Пастернак Б.Л. Русская революция. Собр. соч. В 5-ти т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 620 и др.